

Для цитування:

Шевченко, И. С. (2018). Концепт «СВОБОДА» в образовательном и научном дискурсе. In Астахова Е.В. (Ред.). *Академическая среда второй половины XX века: Харьковский контекст*. (pp. 262-272). Харьков: ХГИ «НУА».

**КОНЦЕПТ «СВОБОДА»
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ
И.С. Шевченко**

Стаття присвячена академічного життя в Харкові, починаючи з 1970-х років. У ній розглядаються найбільш відомі діячі гуманітарних наук і германістики, які працювали або вчилися в Харківському національному університеті імені В.Н. Каразіна, а пізніше утворили академічну еліту України та інших країн. Я описую свій власний досвід студента і молодого дослідника і використовую ці зразки академічного дискурсу в різних офіційних і неофіційних ситуаціях в якості матеріалу для аналізу концепту. В результаті розкриті такі найважливіші якості АКАДЕМІЧНОЇ СВОБОДИ, як: свобода у виборі предмета та парадигми дослідження, професійна відданість, опозиція офіційної ідеології і влади, порядність і чесність.

Shevchenko I. S.

THE CONCEPT «FREEDOM» IN THE EDUCATIONAL AND ACADEMIC DISCOURSE

This article focuses on the academic life in Kharkiv since 1970-es. It addresses the most prominent figures in Humanities and Germanic Languages who worked or studied at V.N. Karazin Kharkiv National University and later formed the academic elite of Ukraine and other countries. I describe my own experience as a student and young researcher and use these samples of academic discourse in various official and non-official situations as material to analyse the concept “ACADEMIC FREEDOM”. As a result academic freedom reveals its essential properties: freedom of choice of one’s research object and paradigm, professional devotion, opposition to official ideology and power, decency and honesty.

Каждый ученик в той или иной степени копирует своего учителя, повторяет его достижения и, если удастся, движется вперед. Современное состояние высшего образования и науки в Украине, провозглашаемые реформы заставляют задуматься: зачем они, что необходимо изменить в образовании и в науке, а что оставить и развивать. Поэтому особую важность приобретает осмысление состояния, процессов и тенденций в академической среде второй половины XX века.

В этой монографии поставлена задача освещения личного

академического пути, роли учителей и наставников тех, кто сегодня преподает и проводит научные исследования в ХГИ «НУА». Естественно, что полученный в итоге коллективный портрет покажет, с одной стороны, преимущественно лучшие образцы, ведь в его фокусе – те, кто дорог нам своим нетривиальным мышлением, творческая элита, а с другой – портрет будет неизбежно субъективен. Вместе с тем, оба эти свойства, безусловно, дадут эмоциональное, искреннее и реалистичное представление о вузовской и научной интеллигенции в период коренного изменения общественных ценностей и жизненных стереотипов, которые ознаменовали последние десятилетия СССР и первые годы становления независимых постсоветских государств.

Объект моего анализа – вузовская и научная среда гуманитариев, в основном филологов, – не случаен. С первыми меня связала семья моего дяди-юриста, тети и ее матери, профессоров социологии и права; со вторыми свела профессия. Каким был дискурс гуманитарной научной и преподавательской среды того времени? Насколько он отличался дома и на работе?

Поступление на факультет иностранных языков Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (в 1970-е годы – государственного университета им. А.М. Горького) дало мне возможность слушать лекции и общаться с целой плеядой преподавателей и ученых, входивших в число научных знаменитостей в масштабе не только Украины, но всего Союза, людей самобытных, неординарных во всем. В условиях застоя, идеологических ограничений, общей зашоренности и вполне объяснимых опасений выхода за границы дозволенного меня привлекала в них СВОБОДА: свобода мышления, выбора «несанкционированных» исследовательских тем, новых научных решений, наконец, человеческих поступков.

Моим бессменным преподавателем английского и куратором все 5 лет учебы в университете была замечательный человек, тонкий знаток своего предмета, блестящий лектор и известный поэт Рената Григорьевна Муха (Ткаченко). Будучи доцентом кафедры английской филологии, она не только знала и блестяще применяла новинки методики преподавания английского

языка, но и «нянчилась» с десятью студентками своей группы: была в курсе всех наших семейных дел, советовала, помогала, заставляла, утешала, с удовольствием приходила на все наши мероприятия в общежитие и с изяществом королевы принимала любую из нас в своей крошечной кухне. Ее любили и уважали, ей старались ненароком представить своих поклонников и узнать ее мнение раньше, чем знакомили их со своими родителями. Ее невероятная увлеченность научной темой диссертации передавалась и нам: студенты истово искали текстовые примеры, которые могли бы ей пригодиться, дружно обсуждали их и радовались, получая одобрение. Особой удачей считалось услышать ее восторженное: «По поводу такого примера можно танцевать полонезские пляски!» Так, начиная со 2 курса мы сами не заметили, как оказались погруженными в научный поиск. В итоге к 5 курсу она «вылепила» из весьма разно подготовленных первокурсниц группу отличниц, семеро из которых получили красный диплом и некоторые впоследствии занялись наукой.

Не только профессионализм и человеческие качества делали «нашу Ренату» центром студенческой жизни. Ее притягательность была частично спрятана от нас, о многом мы узнали много лет спустя из ее интервью в 2008 года в программе REN-TV с Виктором Топаллером, из ее концертных программ, посвященных Б. Чичибабину. Увлечение поэзией опального поэта, поддержка его семьи в Харькове – об этом не расскажешь на занятиях наивным комсомолкам 70-х, но это становится частью дискурса СВОБОДЫ, который пропитывает академическое общение.

Так мы на практике убеждались, что дискурс – «социальная практика, формирующая социальный мир» [3, с. 39]. Введенное М. Фуко понятие дискурса связано с определенной эпохой как фрагмент истории, подверженный постоянному переосмыслению [4]. И Рената Муха нашла свой способ переосмыслить ту тесную реальность, с которой она не могла согласиться. Им стала тонкая иронично-сатирическая поэзия, которую она предпочитала скромно называть «стихами для детей» (некоторые из них – до сих пор в

песенном репертуаре Татьяны и Сергея Никитиных). Героями ее стихов действительно были смешные зверушки, но написанные по горячим следам кафедральных и административных «разборок», стихи не оставляли сомнения в имени «героя», как, например, такие:

*Вчера крокодил улыбнулся так злобно,
Что мне за него до сих пор неудобно!*

Новую грань концепта СВОБОДА в выборе научных решений открыла для меня доцент Беатриса Иосифовна Роговская, написавшая первый англоязычный учебник теоретической грамматики английского языка, изданный в Москве и получивший всесоюзное признание. Вместе со своим соавтором, доцентом Борисом Семеновичем Хаймовичем, они создали редкую по стройности объяснительную систему английской грамматики. В короткую хрущевскую оттепель 1960-х они осмелились использовать и даже цитировать идеи американских структуралистов, английских функционалистов и генеративистов – тех, кто был официально объявлен «загнивающей западной лженаукой». И это не прошло им даром: уже в 70-х Б.И. Роговская лишилась кафедры, которой руководила в университете, а Б.С. Хаймович умер, оставив завершенную докторскую диссертацию, которую ему не дали защитить. Не помогли ни десятилетия работы в университете, в том числе в военные годы, когда занятия продолжались в эвакуации в Казахстане, ни всеобщее признание и уважение коллег.

Мне «печально повезло» быть последней дипломницей Беатрисы Иосифовны. В год ее ухода с кафедры отличнице-комсомолке «не советовали» писать у нее диплом, но концепт СВОБОДА оказался «заразным» и я никогда не пожалела о своем выборе. За дипломом последовала кандидатская диссертация, да и тема докторской была навеяна любовью Б.И. к Джейн Остин и к Шекспиру (хотя она писалась уже без нее).

Бесценные часы общения с Беатрисой Иосифовной: смущаясь, поднимались без лифта на последний этаж (как больная женщина ходила по крутой лестнице каждый день?), протискивались в крошечную кабинет-

спальню-гостиную с давно вытертым паркетом, усаживались на продавленный диван (больше некуда – в комнате помещался только огромный письменный стол с единственным стулом и книжный шкаф у окна). Закрывалась дверь, мир с его суетой отодвигался и начиналось волшебство: *«Кошечка, что нового Вы читали?...»* Кошечке (или *Заиньке*, как Б.И. называла большинство аспирантов) было жгуче стыдно сказать, что она не читала последнюю работу NN или ТТ. Для меня до сих пор загадка: откуда, будучи на пенсии, редко выходя из дому, она знала все новинки отечественной, и тем более западной лингвистики, многие из которых еще даже не попали в Ленинку или библиотеку иностранной литературы в Москве (а больше их вообще негде было прочесть). Невероятно, но она щедро раздавала прочесть и законспектировать издания Лондона, Оксфорда и другие, которые привозили и присылали ее многочисленные ученики из разных стран.

В те далекие годы в харьковской германистике не было докторов наук, не было даже своего специализированного совета. Бóльшая часть кандидатских работ делалась на последнем этаже в маленькой квартирке на улице Культуры. Перед защитой диссертации Б.И. производила строгий смотр не только текста выступления, но и наряда: *«Деточка, если члены ученого совета будут вынуждены Вас два часа слушать, пусть им будет приятно хоть смотреть на Вас!»*. Наверное, наши учителя очень удивились бы, узнав, что среди тех, кого они учили (и научили таки «свободе» в научном дискурсе) позже оказалось немало докторов наук, принесших славу украинской лингвистике – д. ф. н., профессор Г.Г. Почепцов, основатель украинской школы лингвистической прагматики, д. ф. н., профессор Е.В. Тарасова (ХГИ «НУА»), и многие доктора наук, профессора, работающие ныне в ХНУ имени В.Н. Каразина: А.П. Мартынюк, Е.И. Морозова, В.А. Самохина, Л.В. Солощук, И.С. Шевченко и др.

Присутствуя сегодня на некоторых защитах докторских диссертаций, я не могу не вспоминать научный уровень моих учителей и задаваться вопросом: в званиях ли дело? Безусловно, научная степень помогла бы в «карьере» (мы не

пользовались тогда этим словом: оно имело весьма негативную коннотацию и вошло в наш лексикон в позитивном значении только с начала 1990-х годов), она выручила бы в годы старости и болезней при крайне скудной пенсии. Но они осознанно выбрали научную СВОБОДУ, и, как оказалось, вместе с неприятием со стороны официоза выбрали благодарную память учеников, которые и сегодня, полвека спустя, используют их идеи в лекциях, работают по их учебникам. В этом – еще одна грань научной СВОБОДЫ – они закрепили за собой свое, самобытное место в истории развития науки, и как бы ни оценивали их вклад новые поколения, они были и останутся *первыми*.

Вместе с тем, концепт академическая СВОБОДА совсем не значит огульное отрицание, ниспровержение всех и вся. Ее обязательный компонент, диалектическая составляющая – ТРАДИЦИЯ (в лучшем смысле слова). Один из ярчайших уроков юности – как в 60-е годы профессор юридической академии Ольга Мироновна Якуба, моя бабушка, отправлялась на экзамены в июньскую жару: непременно чулки и платье с рукавами, закрывавшими локоть! «Глупая униформа» – скажут студенты, которые сегодня приходят на экзамены в шортах и майках, «уважение к собеседнику и к своему ДЕЛУ» – уверена я. Подчеркнутое уважение к молодым коллегам, аспирантам и докторантам О.М. и ее дочери, профессора Каразинского университета Елены Александровны Якубы – моей тети – стали основой семейной традиции: приходить в новом костюме на защиту диссертаций своих научных подопечных, как бы трудно и маловыполнимо это ни было в годы тотального дефицита.

СВОБОДУ порой можно принять за экстравагантность. Слыхано ли рассказывать подростку-племяннице все подробности философских дискуссий европейского Гегелевского конгресса, на который съездила в Польшу Елена Александровна в начале 70-х? Но, оказывается, это не только нужно, но и полезно: при минимальной подготовке подростка можно увлечь, «заразить» своей увлеченностью наукой (не в этом ли один из секретов успеха МАН в современном вузе?).

Как научить свободному от общепринятых рамок мышлению? Я обязана этой школой каждодневным разговорам с Е.А., вместе с которой я прожила многие годы. За вечерним чаем мне не просто объясняли новый поворот в такой-то главе очередного аспиранта или докторанта, но спрашивали мое «мнение», просто заставляли строить логическую цепочку рассуждений, проверяя на этом собственные идеи. Это были мои домашние «социологические университеты». В свою очередь, будучи аспиранткой, я должна была подробно доложить, что прочитала и написала в своей филологической работе. Стоит ли удивляться, что моя кандидатская диссертация была по социолингвистике!

Истинная академическая СВОБОДА требует и честности, и жестких решений. Оставшись к тому времени одна в большой квартире, Е.А. не стала «привязывать» к себе и искать «теплого местечка» для своей единственной племянницы. С истинно спартанским спокойствием она приняла мое официальное распределение на работу и отпустила учительствовать в сельскую школу (хоть приезжая по выходным, я видела, как она осунулась). Ее напутствие было бесповоротным: «Это будет украшением твоей биографии!» Так выпускницей университета с красным дипломом, этаким тургеневской девушкой с начатой диссертацией, я прошла «жизненные университеты» и позже убедилась в абсолютной правоте слов Е.А.

Мне привелось столько узнать о жизни детей из дальнего хутора, откуда два–три месяца в году не выехать из-за разлива реки, или семьи, где подросток не может ходить в школу, потому что нянчит грудного братика, пока родители на дальней колхозной ферме, или просто детей села, которые никогда не были в театре (*«Ірино Семенівно, у нас білети в ложу, а що – ми там лежати будемо?»*). Естественно, диссертация застопорилась, хоть и не была заброшена. Первой не выдержала Е.А., стала осторожно заводить разговоры о возвращении и попросила для меня у своих друзей почасовку в Харькове (что категорически противоречило правилам семьи и было ей невероятно трудно). Теперь мы опять были вместе.

Главные уроки научной и академической СВОБОДЫ мне дала именно Е.А. – один из основателей социологии и социологического образования в Украине и в СССР. Начав заниматься социологией еще в те годы, когда даже ее название не рекомендовалось произносить вслух, Е.А. удалось сплотить вокруг себя замечательную плеяду коллег и учеников, открыть первый факультет социологии в ХНУ имени В.Н. Каразина, написать для него учебники. Мне особенно запомнилась совместная ежедневная работа над учебником [5] в начале 90-х, когда она часами слушала тексты новейших на то время американских учебников социологии, которые я для нее переводила, тут же комментировала, просила повторить или, наоборот, пропустить главы, ведь многое ей было хорошо известно. В выборе тем, которые в итоге вошли в ее учебник, – тоже СВОБОДА от характерного для первых лет независимой Украины стереотипа отрицания и оплевывания всего прежнего опыта социальной жизни, который так соблазнял многих своей легкостью и дешевой популярностью.

Два других великих мэтра – основателя украинской и российской школ лингвистической прагматики, с которыми меня свела профессия, первыми рискнули открыть для нашего отгороженного идеологическим занавесом научного сообщества появившееся в 60-е годы новое научное направление – лингвистическую прагматику. От первого, доктора филологических наук, профессора Киевского национального лингвистического университета Георгия Георгиевича Почепцова, я получила еще и замечательные уроки уважения к молодым ученым. Бережно храню письмо великого мэтра, основателя украинской школы лингвистической прагматики, ко мне – своему начинающему докторанту, где вместо ожидаемого нагоняя Г.Г. писал: *«Глубокоуважаемая Ирина Семеновна! Прошу Вас обратить внимание на некоторые проблемные места в Вашей работе...»*. Никто, кроме Г.Г. не называл бы молодого кандидата наук «глубокоуважаемой», да и слова такого тогда не употребляли, заменяя все обращения безличным «товарищ».

Невероятно требовательный к качеству научной работы, Г.Г. распознавал

фальшь мгновенно и в таких случаях бывал беспощаден. О его строгости среди аспирантов ходили легенды. Как председатель специализированного докторского совета, он лично принимал в КНЛУ все диссертации и, усадив диссертанта напротив, начинал листать его труд с конца. Дойдя до иностранных авторов в библиографии, он спрашивал: *«Где Вы это читали? Как выглядит книга?»*. Если соискатель не мог ответить, то есть просто скопировал у кого-то цитатку, не мыкаясь по столичным библиотекам, не читая книги (ведь Интернет еще не изобрели!), вердикт был один: *«Забирайте работу, разберитесь с первоисточниками, потом привозите»*.

Вместе с тем, Г.Г. не был мелочен, не вычитывал опечатки в работах своих докторантов и, убедившись в надежности предлагаемой теории в целом, доверял в ее конкретных научных решениях. Когда я попыталась обидеться, что Г.Г., как мне показалось, слишком быстро вернул мою диссертацию, то получила отрезвляющее: *«Вы не роман написали, а диссертацию. Общую концепцию мы обсудили, а за детали будьте готовы на защите отвечать сами»*. Когда месяц спустя я привезла полностью переписанный текст в полтысячи страниц, Г.Г. даже удивился: *«Я же не говорил переделывать все!»* Но как было остановиться, когда тебе доверяют!

Общение с другим мэтром прагмалингвистики — докт. филол. наук, профессором Иваном Павловичем Сусовым, обогатило меня и всю украинскую науку замечательным и единственным пока что учебником прагматики, который он доверил мне редактировать и издать в Виннице [1]. Благодаря Интернету сохранилась моя личная переписка с И.П. в 2006–2009 годах. Из нее я узнала, как ему удалось создать самый мощный в стране и ставший впоследствии легендарным центр лингвистической прагматики: *«Что делал я у себя, придя на кафедру общего языкознания Калининского университета в 1975 году? Заставил работать многих на имидж кафедры, особенно аспирантов <...>. Но я не прогибался перед властью имущими ни у себя, ни в нашей любимой лингвистике. Вел себя как равный с равными. И дипломатические отношения строил на этой основе»* [2, с.129]. СВОБОДА определяла все: *«Я из тех, кто*

может прогибаться под тяжеловесами, но полностью не прогибается и не ломается! Призываю и Вас быть такими же» [2, с. 130].

Но кредо бескомпромиссного ученого точнее всего отражает одно из его последних писем: «Язык – это существующий вне исследователя объект. Он не дан прямо, а через призму того или иного ученого. <...> Истина и у одного, и у другого честного исследователя. В жизни: а это как посмотреть. Не цитации чужих мыслей, а поиски своего объяснения. Наука – чудесная профессия. Концепция ученого – его личная призма. Помутнела – твори новую. Больше сомнений в исследовании своего объекта! Не всегда верь другому. Говорят ведь, факты – воздух ученого. Запутался в объяснениях – назад, к фактам» [2, с. 126].

Истинным напутствием, которое я часто перечитываю, стали для меня строки уже прикованного к постели И.П. в ответ на мои сетования о сложностях продвижения науки в Харькове и в Украине: «Я понимаю Ваши трудности <в организации науки>. Только не поддавайтесь панике, не будьте мнительны. Есть рядом пассивные? А как же и где же иначе? Не занимайте позицию только самообороны. Самая лучшая оборона – это наступление! Не забывайте и о еще несозревших Ваших учениках. Это Ваш неиспользованный резерв силы» [2, с. 129].

Суммируя сказанное, академическую СВОБОДУ можно считать одним из определяющих концептов в академическом дискурсе второй половины XX века. Различные грани академической СВОБОДЫ, среди которых – свобода в выборе предмета и исследовательского подхода, профессиональная преданность, оппозиция официальной идеологии и власти, порядочность и честность способствуют пониманию коллективного портрета уникальной академической среды, сложившейся в советский и постсоветский период в образовании и науке Харькова.

Литература

1. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с.
2. Сусов И.П. Мысли о лингвистике (из неопубликованного) / И.П. Сусов ; И.С. Шевченко (ред.) // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина. – 2014. – № 8. – С. 120–129. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>
3. Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Филипс Л., Йоргенсен М. ; [пер. с англ.]. – Х. : Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.
4. Фуко М. Воля к истине: по сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; [пер. с франц.]. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
5. Якуба Е.А. Социология : учеб. пособие для студентов / Е.А. Якуба. – Х. : Константа, 1995. – 192 с.



Шевченко Ирина Семеновна, докт. филол. наук, профессор, академик АН ВШ Украины, проф. кафедры германской и романской филологии ХГИ «НУА». Выпускница факультета иностранных языков Харьковского государственного университета им. А.М. Горького.